

Глава 6

О пользе бесполезного

Слава Шангуань Цюэ приобрела дурной оттенок.

Ещё полгода назад в этом имени звучала надежда на явление гения, что всколыхнёт Поднебесную. Теперь же оно пропахло звоном монет.

Хань Линь не раз уговаривал его, предлагая, если уж вступать в Павильон Гаснувшего Светильника и Тёмного Дождя, начать с Павильона Дождя в Чанъани. В лоянский Павильон Светильника можно было бы явиться и позже, когда имя его вновь зазвучит по-прежнему.

За эти полгода весть о его поражении в Лояне облетела всех. За ней последовали бесчисленные домыслы, но самый популярный гласил, что семья Шангуань попросту купила славу для развлечения своего старшего сына. Как бы то ни было, слишком многие видели, как он, бросив меч, в панике бежал. Это был неоспоримый факт.

Возведённое на пьедестал здание его славы рухнуло в одночасье. Лишь ученики школы Линьси, на себе испытавшие устрашающую силу юноши, раз за разом пытались доказать правду, уверяя всех, что он не таков, каким его выставляют. Но и они не могли понять, как тот, кто казался непобедимым, не смог одолеть даже обычного проходимца.

Год назад его выбор обернулся провалом.

Шангуань Цюэ был слишком умён, чтобы забыть. А раз не мог забыть, новые техники вступали в конфликт со старыми, прежние навыки восставали против новых, внося сумятицу в его разум. Каждый переход от одного движения к другому превращался в мучительное противоречие. Ему приходилось тратить драгоценные мгновения, чтобы обдумать следующий шаг, и это рождало губительное сомнение — смертный грех для воина. Малейшее колебание — и упущенный шанс оборачивался поражением.

Он не сдавался. Снова и снова юноша пытался забыть, чтобы научиться заново. Но разве можно заставить себя забыть? Это было не в его силах. После нескольких тщетных попыток сомнения овладели им полностью. Теперь он колебался не только в выборе приёма, но и в каждом отдельном движении. Его клинок по-прежнему находил верный путь, но разум твердил: «А что, если и на этот раз я ошибаюсь?» В конце концов, он разучился побеждать.

Боевой дядя Се с самого начала был против того, чтобы он изучал новое искусство, говоря, что оно не похоже на обычные техники. Но племянник настоял на своём и довёл себя до плачевного состояния. Хань Линь много раз хватал его за руку, умоляя пойти и поговорить с Се Чжишанем, но тот лишь вырывался. Ему было стыдно предстать перед боевым дядей. Время не ждало, и Собрание у Драконьих Врат неумолимо приближалось.

Он решил не ехать, но Хань Линь хотел отправиться вместе с ним, говоря, что впервые попадёт на такое грандиозное событие и рядом с ним будет спокойнее.

Младший брат только начинал свой путь в цзянху, а Лоян кишел проходимцами всех мастей. Шангуань Цюэ беспокоился за него, и они отправились вместе. По дороге к ним присоединился Вань Минъюэ.

Старший планировал лишь незаметно понаблюдать за поединками Хань Линя.

Но юноша под солнцем был ослепителен. Трудно было поверить, что это тот самый тощий мальчишка, похожий на обезьянку, которого он встретил несколько лет назад. Все взгляды были прикованы к нему. Если бы не та злополучная ошибка, эти восторженные взоры могли бы принадлежать ему. Он привык быть в центре внимания и никогда прежде не испытывал такого пренебрежения. Когда Шангуань Цюэ отвернулся, чтобы уйти, никто из тех, кто ещё недавно окружал его, даже не заметил его ухода.

За стенами Лояна он увидел, как какой-то бродяга пристаёт к женщине с ребёнком. Не раздумывая, он обнажил меч. Но он и представить не мог, насколько жалок.

Женщина с ребёнком, воспользовавшись суматохой, давно сбежали, не оглядываясь. Он не винил их — каждый выживает как может. Но он... он был так слаб. Как он мог ошибаться в каждом движении? Получив ранение в запястье, он бросил меч и бежал.

Если бы не этот случай, все, включая самого Шангуань Цюэ, знали: клинку Хань Линя не хватало лишь крещения кровью. Наставник и сам хотел, чтобы тот отправился странствовать и набрался опыта.

Но он подвёл товарища. Не успев даже завести знакомств, на второй день Собрания Хань Линь увёз его обратно в Линьси. Он жил с ним, ел с ним и целыми днями тренировался на заднем утёсе, шаг за шагом помогая ему вспомнить, каким он был раньше.

Всё перевернулось.

Хань Линь не говорил прямо, но было очевидно, что он тайно встретился с Се Чжишанем и сделал выбор за друга. Он заставил его вернуться к прежним техникам. Шангуань Цюэ и впрямь был гением: всего за полгода он восстановил половину своего былого мастерства. Проклятый, мучительный ум.

Даже с половиной былой силы он мог на равных биться с Хань Линем и превосходил подавляющее большинство воинов в кишашем талантами Лояне. Младший подначивал его показать себя, заставить замолчать сплетников, но тот лишь качал головой.

— В этом нет нужды, — отвечал он. — Продемонстрируешь силу — и, как ты, привлечёшь толпу

желающих сразиться. А я хочу покоя.

На самом деле он всё ещё боялся. Боялся проиграть снова.

Хань Линь редко упоминал те полгода, что они провели на заднем утёсе, и почти никогда не говорил о прошлогоднем Собрании у Драконьих Врат. Он не мог забыть — проезжая мимо того места в Лояне, он всякий раз старался найти обходной путь.

Но стоило кому-нибудь на улицах города, в таверне или чайной, дурно отозваться о Шангуань Цюэ в его присутствии, как Хань Линь тут же хватался за саблю и вызывал обидчика на поединок. Победив, он с гордостью бросал:

— И ты? Ты даже меня одолеть не можешь, а смеешь бросать вызов моему старшему брату?

Уже и не сосчитать, сколько поединков он провёл. Постепенно никто больше не осмеливался оскорблять Шангуань Цюэ в открытую.

Но даже если кто-то распускал слухи за спиной, Хань Линь докапывался до истины, находил повод для поединка и, не давая опомниться, бросался в бой.

Исход был предсказуем: обидчики оказывались повержены. Но те, кто плели интриги за спиной, были людьми изворотливыми и острыми на язык. Раздосадованные, они придумывали для него новую насмешку.

Вскоре все в Лояне, завидев Хань Линя, с ехидной ухмылкой величали его: «Маленький Святой Клинка».

Мужун Хаосюэ свой титул Святого Клинки заслужил в тридцать пять лет, и когда он стоял с обнажённым оружием, никто не смел возразить. Но прозвище Хань Линя было другим — его придумали, чтобы посмеяться над ним.

Стоило ему допустить малейшую ошибку, потерпеть поражение, и этот титул тут же припомнили бы ему с насмешкой.

Заставлять людей драться, а потом унижать их поражением — это было слишком. Шангуань Цюэ мягко увещевал его, но Хань Линь не слушал, продолжая стоять на своём. Таких, как он, нетрудно переубедить, но если уж юноша решил, что прав, то становился упрямым.

Он продолжал искать неприятности, пока все не замолчали и не стали обходить его старшего брата стороной. А поскольку Хань Линь постоянно твердил о силе Шангуань Цюэ, некоторые и впрямь поверили в его мастерство.

— Право, ты преувеличиваешь, — с улыбкой сказал он товарищу.

— Ты и вправду сильнее меня, — без тени сомнения ответил тот.

Возможно, так было раньше. Так было и сейчас. И, вероятно, так будет ещё пару лет.

Но Хань Линю не было и восемнадцати. В этом возрасте юноши растут стремительно.

Поначалу в лоянском Павильоне Светильника ни Хань Линь, ни Шангуань Цюэ не удостоились особого внимания Владыки.

Их поселили в общей казарме, где набилось с десятков мужчин. В комнате было грязно, сами обитатели нечистоплотны, кровати стояли впритык, и воздух был спёртым. В день приезда Хань Линь договорился с соседями, чтобы им достались два места у стены. Старший спал у самой стены, а он — с краю, отгораживая его от остальных.

Жизнь в общей казарме была полна неудобств: храп, скрежет зубов, разговоры до глубокой ночи.

В первые дни Шангуань Цюэ почти не спал. Под глазами залегли тёмные круги. Иногда, стоя на построении во время наставлений начальника, он засыпал, прислонившись к плечу товарища.

Хань Линь порой стоял не шевелясь по часу, и лишь когда все расходились на обед, будил его.

Однажды ночью юноша проснулся, чтобы попить, и увидел, что его старший брат не спит. Он попытался найти в их положении хоть что-то хорошее:

— Ну, по крайней мере, за полмесяца мыши одежду не сгрызли.

Тот потёр переносицу и устало улыбнулся:

— При таком шуме даже мыши, должно быть, разбежались.

Но, как оказалось, шум был наименьшей из их проблем.

Шангуань Цюэ был необычайно красив, да и Хань Линь, несмотря на юношескую угловатость, тоже был весьма привлекателен. Оба молодые, свежие, как только что сорванные персики.

Там, где собирается много мужчин, всегда найдутся любители однополый любви. Поначалу, не зная их силы, некоторые пытались распускать руки, под разными предложениями касаясь и лапая

их. Хань Линь всегда пресекал такое насилием.

К старшему приставали чаще, но ему почти не приходилось драться самому. После случая на Собрании у Драконьих Врат Хань Линь боялся, что его будут обижать, и почти не отходил от него ни на шаг. Заметив, что кто-то трогает его брата, он тут же бросался в драку. Бил он жестоко, не раздумывая ломая обидчикам руки и ноги.

Мылись все в общей бане. Для Шангуань Цюэ было невыносимо, когда его разглядывали со всех сторон. Он снял комнату в гостинице, чтобы мыться там.

Хань Линь, привыкший в Линьси мыться со всеми, поначалу не возражал. Но, сходя в общую баню раз, он почувствовал на себе странные взгляды, от которых по коже побежали мурашки. Больше он туда не ходил, и старший брат стал брать его с собой в гостиницу.

Постоянные драки не могли не привлечь внимания начальства. Но Хань Линь и не думал отступать. Он сверкал глазами, засучивал рукава и готов был снова броситься на негодея, прятавшегося за спиной управляющего.

— Это ты руки распускаешь? — кричал он, не скрывая праведного гнева. — Я тебе их ещё не отрубил? Да как ты, ублюдок, смеешь трогать моего старшего брата?

Хань Линь был прав, и кричал он громко. В конце концов, слухи дошли до самого Цзян Шуйяня. Однажды вечером тот с улыбкой заглянул к ним, чтобы лично разобраться в ситуации.

Цзян Шуйянь был мужчиной крепкого телосложения, с внушительной осанкой и квадратным лицом, обрамлённым короткой бородой. Два глубоких шрама пересекали его лицо — говорили, что это следы от вражеской сабли, оставшиеся со времён, когда он был полководцем. Без них он был бы весьма хорош собой.

Расспросив управляющего, он подозвал к себе Хань Линя, и они о чём-то поговорили наедине.

Позже Шангуань Цюэ спросил, о чём говорил Владыка Павильона.

— Да ни о чём особенном. Спросил, как здоровье моего наставника, откуда я родом, сколько мне лет, когда день рождения. Потом о тебе спросил, о твоей силе. Я всё как есть рассказал, и он меня отпустил. Владыка оказался довольно приятным в общении. Я думал, после всего, что с ним случилось, он будет мрачным, а оказалось, совсем нет.

В тот же день управляющий перевёл нечистых на руку людей в другую казарму. После этого некоторые из тех, кого они раньше обижали, подходили и шёпотом благодарили юношей, говоря, что те, пользуясь силой, приставали ко многим, но все боялись им возразить.

Когда живёшь в одной комнате с десятком мужчин, неловких ситуаций не избежать. Однажды Хань Линь без стука ворвался в комнату, и в нос ему ударил резкий, терпкий запах. Оглядевшись, он увидел, как несколько человек поспешно прячут что-то в штаны, а один судорожно запихивает под себя книжку с изображением обнажённых мужчин и женщин.

Хань Линь был уже не в том возрасте, чтобы не понимать, чем они занимались.

— Прошу прощения, — смущённо пробормотал он, закрыл дверь, и они с Шангуань Цюэ молча вышли во двор тренироваться.

Лишь спустя какое-то время, когда, по их расчётам, все должны были закончить, они вернулись, чтобы открыть окна и проветрить. Не желая дышать спёртым воздухом, они снова вышли во двор и тренировались ещё с полчаса, прежде чем лечь спать.

В тот период они оба вставали на час раньше и ложились на час позже остальных.

К середине лета, в самую жару, во дворе их казармы по вечерам было не протолкнуться — все расстлали циновки и спали на улице, не оставляя даже прохода.

Им двоим приходилось тренироваться у самого входа, при свете тусклого фонаря.

Каждым утром и каждым вечером Шангуань Цюэ чувствовал, как удары сабли Хань Линя становятся точнее, быстрее, безжалостнее. Он прекрасно понимал, что пройдёт полгода, может, год, и тот превзойдёт его. Юноша много ел, и его худощавые, костлявые руки и ноги, видневшиеся из-под короткой одежды, постепенно наливались силой, их очертания с каждым днём становились всё более мощными.

Вскоре его прозвище «Маленький Святой Клинка» перестанет быть насмешкой. Какими же глупцами были те, кто придумал его. Они судили по себе: раз они не могут, значит, не может никто. Но Хань Линь был способен стать настоящим Святым Клинка. Лет через десять, не больше.

Одним жарким летним вечером, под фонарём, вокруг которого вились мотыльки и комары, Хань Линь отрабатывал удары, а Шангуань Цюэ сидел на ступеньках у входа и отдыхал.

Он закрыл глаза и прислушался: свист рассекаемого воздуха, стрекот цикад, жужжание комаров, шелест опудренных крыльев мотыльков и тихий шёпот за дверью, где несколько человек разговаривали перед сном.

В семье Шангуань родители были очень близки с детьми, без холодной отстранённости, свойственной многим знатым домам. Юноша был их первенцем, и они вложили в него всю душу. С самого детства он делился с ними всеми своими переживаниями.

Ещё за полгода до Собрания у Драконьих Врат он написал родителям о своих сомнениях.

Они всегда поддерживали его, потому что он любил боевые искусства. Но, прочитав письмо, полное тревоги, они ответили, что ему не о чем беспокоиться. Если он не хочет оставаться в Лояне, не хочет больше заниматься боевыми искусствами, он всегда может вернуться в Цзиньлин. У него есть дом. К тому же, он разбирается в медицине и, как старший сын, может возглавить семейное дело.

Но тогда он не хотел возвращаться. Ему всё ещё нравился цзянху, нравился звон скрецающихся клинков, нравилось угадывать намерения противника. Это был мир, в котором он мечтал жить с самого детства, и он хотел остаться здесь вместе с Хань Линем.

А потом случилось то, что случилось. После десяти лет гордости и триумфа одно-единственное поражение сделало его посмешищем для всей Поднебесной. Шангуань Цюэ не мог с этим смириться.

Если бы год назад он не приехал на Собрание, возможно, после нескольких лет тщетных тренировок он и вправду вернулся бы в Цзиньлин.

Как на старшего сына, родители возлагали на него большие надежды. Параллельно с обучением искусству меча они учили его вести дела, разбираться в лекарственных травах, составлять благовония и управлять семьёй. Самым сложным из всего этого было умение разбираться в людях, но и это давалось ему без особого труда.

Воспитать наследника — дело непростое, а он идеально подходил на эту роль. Родители всегда гордились тем, что все их цзиньлинские родственники завидовали им, ведь их первенец был так одарён.

Но в прошлом году он всё-таки приехал в Лоян. Сожалеть было поздно. В душе его кипела обида, и он не хотел покидать цзянху с клеймом неудачника.

Восстановление его мастерства замедлилось. Это было естественно — такое потрясение не могло пройти бесследно. Он понимал, что достиг своего предела. И что самое страшное — не пройдёт и двух лет, как Хань Линь превзойдёт его.

Хотя для многих этот предел был недостижимой вершиной, для него, с детства влюблённого в тренировки и самосовершенствование, осознание того, что он остановился, было мучительным. Но он ничего не мог поделать.

Ни вверх, ни вниз. Он застрял.

С самого детства он усердно учился у наставника искусству меча и перенимал у родителей семейные знания. Он никогда не ленился. И теперь всё это казалось бесполезным.

Будущее тонуло в тумане. Даже у тех людей за дверью, что строили планы на жизнь перед сном, было больше ясности. Они говорили, что нельзя вечно быть простыми бойцами — это бесперспективно, да и покалечить могут. Нужно пробиваться наверх, стать помощником начальника или кем-то в этом роде. А ещё лучше — положившись на свой ум, стать советником или счетоводом: и прибыльно, и непыльно.

Другой остудил его пыл, сказав, что с его-то мозгами — он и от десяти до тридцати сосчитать без ошибок не может — в советники ему не попасть. В Павильоне Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя умных голов не хватает, но не таких, как у них.

Слово за слово, они поссорились, а потом и подрались. Весь двор проснулся, чтобы их разнимать.

Шангуань Цюэ, сидевший за дверью, всё слышал. И задумался.

Он вдруг всё понял.

В нынешние времена схватки между школами и кланами уносили не меньше жизней, чем поединки великих мастеров. Они вместе сделают Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя сильнейшим.

В августе того же года он пошёл к Цзян Шуйяню и предложил свою помощь в планировании операций.

Не прошло и месяца, как он во всём разобрался. Хань Линь, видя, как он воодушевился, был очень за него рад.

Третьего сентября пришла страшная весть: вся семья Шангуань в Цзиньлине была вырезана.

Осенью, когда красные клёны пылали, как пожар, Шангуань Цюэ той же ночью отправился в Цзиньлин.

<http://bllate.org/book/15990/1441729>